
БРОНЗОВАЯ МАТРИЦА С БЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА: К ВОПРОСУ О ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ МОТИВАХ В РАННЕСКИФСКОМ ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

**Роман Зимовец
Сергей Скорый
Виталий Окатенко**

Ключевые слова: скифы, скифский звериный стиль, матрица, штамп, Бельское городище, раннескифское время.

В 2011 году, при случайных обстоятельствах, на Западном укреплении Бельского городища скифской эпохи, между зольниками №№ 5-6, после распашки, на небольшой глубине была найдена бронзовая матрица для изготовления аппликаций из золотого или серебряного листа¹. Изделие имеет прямоугольную форму. Его вес – 26,8 г, длина – 2,8 см, ширина – от 1,8 до 2,0 см, толщина (вместе с рельефом) – 0,9 см. С левой торцевой стороны имеются следы двух обломанных в древности петель. Их назначение не вполне понятно (анalogии нам не известны). Возможна реконструкция 3-х вариантов их предназначения. Допустим, они служили для крепления еще одной створки матрицы. В этом случае бельское изделие представляет собой лишь фрагмент сложносоставной матрицы, состоявшей как минимум из двух сегментов. Или же к петлям крепилась нижняя сторона (стенка) матрицы, в которой находилось специальное углубление для свинцовой прокладки, смягчавшей удар по листу. Наконец, к петлям также могла крепиться подвижная ручка. Отчётливых следов ударов с тыльной стороны матрицы не наблюдается, однако на рабочей поверхности имеются многочисленные следы износа. В целом сохранность изделия хорошая, оно более-менее равномерно покрыто зеленоватой благородной патиной (рис. 1).

¹ Находчики передали изделие авторам настоящей статьи, которые в свою очередь преподнесли его в дар Археологическому музею Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина.

Матрица отлита из оловянистой бронзы, с содержанием Sn – 17,17, а также с повышенным присутствием свинца: Pb – 0,912 (см. Приложение). Такой сплав обеспечивал достаточную твёрдость и прочность данного орудия труда и, как следствие, производство чётких изделий высокого качества. Аналогичного рода состав имеют некоторые подобные орудия труда в Поднепровье, правда, более поздние по времени (Шрамко 1970).

Износ матрицы свидетельствует о её использовании. Принимая во внимание размеры и форму орудия, можно полагать, что с его помощью изготавливались мелкие золотые или серебряные бляшки-аппликации, либо же изображения на больших листах драгоценного металла, в том числе в составе многофигурных композиций. Техниками такого изготовления является тиснение и басма – в зависимости от того, кладется ли материал под матрицу, на свинцовую прокладку, либо на неё. Во втором случае удар молотом наносится по свинцовой прокладке, лежащей сверху, над листом (Минасян 2010, 183; Журавлев, Новикова, Шемаханская 2014, 178). Более точное определение весьма затруднительно из-за неясного назначения петель. Учитывая отсутствие явных следов воздействия молотка с оборотной стороны, можно лишь предположить более вероятной технику басмы.

На рабочей стороне матрицы представлена лежащая лошадь с подогнутыми ногами. Изображение строго профильное, правостороннее, выполненное в высоком рельефе. Фигура животного читается очень хорошо. У него узкое, поджарое туловище, поджатые длинные ноги (передняя лежит на задней), массивная

Рис. 1. Матрица с Бельского городища: 1 - фото; 2 - рисунок; 3-4- графическая реконструкция аппликаций.

шея средней длины, крупная, опущенная вниз голова. Ноги лежат не параллельно поверхности, а под углом: колено передней, а также задняя нога направлены вперед и вниз. Пропорции задней ноги немного удлинены. Копыто передней ноги – в форме треугольника, задней – едва намечено выемкой. Возможно, изначально оно также было четко выделено, но потеряло форму в результате износа матрицы. Судя по относительной нечеткости очертаний и уплощенному рельефу, задняя нога и бедро лошади в наибольшей степени подверглись износу в процессе изготовления аппликаций. Лопаточная же часть выделена весьма четко. Над шеей удлиненным низким полуovalом, без рифления, показана грива. Массивная, явно преувеличенная голова трактована весь-

ма детально. В ней четко выделяется расширенная носовая часть, передающая пухлые губы и ноздри. Они акцентированы двумя впадинками. Глаз показан круглой впадиной. Большое листовидное ухо продолжает линию головы, оно трактовано двумя рельефными полосками с углублением внутри. Над головой сужающимся к окончанию рельефным выступом показана направленная вперед чёлка. От носа к глазу тянется узкое углубление, визуальное разделяющее голову на верхнюю и нижнюю части. Немного ниже глаза, на щеке, имеется округлый рельефный выступ. Не исключено, что таким образом автор матрицы хотел передать элементы конской узды (ремень уздечки, нащёчник), хотя уверенно утверждать это нельзя из-за сработанности изо-

бражения. Возможно, округлый рельефный выступ это всего лишь уплощенный выступ щеки/скулы. Однако в пользу того, что здесь представлена одомашненная лошадь, может свидетельствовать и оригинальная трактовка хвоста животного. Он узкий и необычно длинный, плавно огибает круп и ногу лошади, доходя почти до её копыта. По наблюдениям М.А. Дэвлет, сделанным, правда, по материалам петроглифов, так мог выглядеть хвост лошади, заплетённый в косу или обвитый лентой (Дэвлет 2009, 188).

В целом, несмотря на условность и увеличенные пропорции отдельных элементов (голова, уха, хвоста), изображение выполнено весьма художественно и смотрится гармонично.

Находки матриц и штампов античного времени, предназначенных для тиснения изображений на тонких листах драгоценных металлов (золотых или серебряных), являются крайне редкими. Один из авторов настоящей работы учёл в своё время 20 экземпляров из 14 пунктов Восточной Европы. Большинство из них предназначалось для тиснения простых изделий (щитков серёг, бусин, незамысловатых бляшек), либо же изображений, относящихся к греческой культурной традиции (Деметра, Афродита, Дионис, ракушка, цветок аканфа) (Скорый 2013). Не так давно была опубликована большая и в определённой степени уникальная матрица, обнаруженная в пойме левого притока Днепра – р. Трубеж (Левобережная террасовая лесостепь), содержащая 6 изображений, объединённых орнаментальными фризами (Бессонова, Зимовец, Скорый 2016), и отнесённая к IV в. до н.э. Несмотря на то, что некоторые из образов, представленных на матрице, использовались при производстве золотых аппликаций для скифской элиты (крылатые кабаны), сама она, скорее всего, принадлежит боспорской школе торевтов (Бессонова, Зимовец, Скорый 2016). Впрочем, с античными городами Северного Причерноморья связано большинство матриц и штампов из сводки С.А. Скорого, что, видимо, подтверждает тезис целого ряда исследователей о ведущей роли греческих, в первую очередь боспорских, мастеров в производстве золотых аппликаций для скифской элиты (Ростовцев 1926; Онайко 1976; Трейстер 1989). Во

всяком случае, этот тезис справедлив для IV–III вв. до н.э.

Кроме учтённых С.А. Скорым экземпляров, необходимо упомянуть 2 наиболее архаических штампа, датируемых временем до середины VI в. до н.э., происходящих с острова Березань и хранящихся в Государственном Эрмитаже (Solovyov, Treister 2005). На их рабочей части представлены мужская голова и неопределённая геометрическая фигура.

Следует также отметить, что большая серия матриц классического скифского и особенно эллинистического и римского времени происходит из Фракии (L'Erporee 2015, 200–201, cat. 167–170, Трейстер 2017, 201). При этом 3 изделия, датирующиеся не позже IV в. до н.э., найдены в одном районе – окрестностях Варны (Трейстер 2017, 201). Это матрицы с одиночными изображениями синкретического существа с человеческой головой, птичьими крыльями, телом и конечностями коня из Кубрата и Горско-Абланово, а также знаменитая большая матрица, выполненная в скифском зверином стиле из Гарчиново. Неполными, но близкими аналогиями изображениям из Кубрата и Горско-Абланово являются электровые бляшки из с. Пруссы в Лесостепном Поднепровье (Трейстер 2017, 202). Позднее матрицы из Фракии, вероятно, попадают и в Северное Причерноморье, в частности в Крым. К этой серии «фракийских» матриц можно отнести как упомянутое С.А. Скорым изделие из Херсонеса с изображением Диониса, так и матрицу с изображением Зевса из Усть-Альминского некрополя в Крыму, относимую публикаторами к 1-й четверти II в. н.э. (Пуздровский, Труфанов 2010). Её ближайшей иконографической и сюжетной (изображение Зевса) аналогией является матрица с юга Фракии (Пуздровский, Труфанов 2010, 204). Кроме того, из Херсонеса происходит фрагмент прямоугольной матрицы с изображением Тюхе, близкий по времени к указанным выше изделиям (Костромичев, Трейстер 2009).

Со скифских же памятников Северного Причерноморья (и памятников скифской эпохи Лесостепи) нам достоверно известны 7 штампов. Четыре из них найдены на Каменском городище: с изображением нижней части львиной лапы (Граков 1954, 134, рис. 13/5); женской головы с длинными волосами и, воз-

можно, в головном уборе (некая скифская богиня?) (Шрамко 1970, 218, рис. 1/3, 4; 219, рис. 2/2), ракушки (?) (Болтрик, Ліфантій 2016, 224, табл. 1); головы-маски (Болтрик, Ліфантій 2016, 221, рис. 1/1-3). Все упомянутые орудия труда относятся ко времени не ранее IV-III вв. до н.э.

Любопытно, но находки штампов (или пуансонов) для изготовления аппликаций из драгоценных металлов на скифском Каменском городище Ю.В. Болтрик и О.В. Лифантій связывают с мастерами, которые якобы обитали в пределах некоего «греческого квартала» на данном поселении (Болтрик, Ліфантій 2016, 224).

Ряд штампов обнаружен в украинской Лесостепи. Это «штамп фигурный для бусин» из с. Стайки на Киевщине (Ханенко 1900, 7, № 371); для изготовления бронзовых блях с лицевой стороны скифского времени у с. Большая Даниловка на Харьковщине (Шрамко 1962, 209), наконец, задняя стенка от трёх штампов для изготовления бляшек круглой и прямоугольной формы, относимая к IV в. до н.э., найденная на Восточном укреплении Бельского городища (Шрамко 1970, 218-219, рис. 1/1, 2).

Если же говорить об изображениях, выполненных в традициях скифского звериного стиля (либо с доминированием таковых), то в научном обороте их фигурирует всего 2: упомянутая матрица из Гарчиново (Болгария), датированная V в. до н.э. (Treister 2001, 161; L'Erорее 2015, 202, cat. 171), и штамп с изображением идущей пантеры из ритуального комплекса кургана № 5 у аула Уляп (Канторович, Эрлих 2006, 125, 194, кат. 79). Он также датируется V в. до н.э.²² В этой связи бельская матрица представляет особый интерес, по-

²² В последнее время, правда, мы располагаем сведениями о нескольких находках бронзовых матриц и штампов. Но они, увы, попали в частные коллекции и не стали достоянием науки. В двух случаях информация с соответствующими иллюстрациями размещена на сайте www.violity.com: 1) «клад» с территории Полтавской области (2 штампа с изображениями животных и 3 матрицы для изготовления пластин с растительным орнаментом); 2) 3 небольших матрицы – место находки не известно – с изображением хищников. Чрезвычайно важной является большая матрица (9×10 см) с изображением животного с поджатыми ногами, достоверно найденная на Бельском городище в 2017 г. Последняя предназначалась, скорее всего, для изготовления пластин-обливок деревянных чаш. О данной находке нам любезно сообщил директор Историко-культурного заповедника «Бельск» И.И. Корост.

скольку представленное на ней изображение, как будет продемонстрировано ниже, иконографически и стилистически принадлежит *архаическому пластику скифского искусства*. Матрицы или штампы этого времени, выполненные в традициях скифского звериного стиля, на территории Восточной Европы до настоящего времени не были известны или, во всяком случае, не стали достоянием науки, а следовательно, и объектом изучения.

Полнофигурные изображения лошади в восточноевропейском варианте скифского звериного стиля крайне редки. К ним относятся лошади на двух прямоугольных и трёх круглых золотых обкладках уздечного набора из келермесского кургана № 4, раскопки Д.Г. Шульца 1904 г. (Галанина 1997, табл. 26/55, 58), на золотых бляшках из кургана № 7 могильника Колбино-I (Гуляев 2009, рис. 1), из Мастюгино (ОАК 1908, 96-97, рис. 119/1), на псалии из хутора Шунтук (Канторович, Эрлих 2006, кат. 83), на застёжке-крючке, псалии, наносниках и уздечной бляшке из Предгорного Крыма (Скорый, Зимовец 2014, кат. 189, 244, 273-275, 319). Две взнузданные лошади также входят в скифский bestiary, представленный на келермесской секире (Алексеев 2012, 75).

За исключением келермесских лошадей, все указанные изображения относятся к классической эпохе и характеризуются схематизмом, условностью передачи образа и вариативностью основных черт. В отличие от них келермесские лошади, в особенности на обкладках узды, выполнены относительно реалистично и в едином каноне. Именно с ними проявляется наибольшее сходство лошадей на матрице с Бельского городища, что дает возможность атрибутировать находку и обосновать дату её бытования.

На келермесских обкладках также представлена лежащая лошадь с подогнутыми ногами, длинным узким хвостом, огибающим круп и заднюю ногу, опущенной вниз головой с торчащим ухом и направленной вперёд челкой. На круглых изделиях показана одна лошадь, на прямоугольных – две, расположенные в антитетической композиции. Лошади на прямоугольных обкладках выглядят более реалистично. Размер изображений на обкладках несколько больше размера изображений, получаемых с матрицы (рис. 2/2, 3).

Лошади на золотой секире отличаются в деталях от лошадей с обкладок. Последние переданы более условно, их ноги не прижаты друг к другу и к туловищу, шеи – длинные, головы – узкие и вытянутые. У лошадей на секире ноги плотно прижаты (передняя лежит на задней) и находятся в горизонтальной плоскости. Шея короткая, длина головы – средняя. Хвост, грива, ухо переданы рубчатым кантом, а наличие узды придает всему изображению дополнительную детализацию, характерную также и для других образов, показанных на секире (рис. 2/1). Уникальной чертой и тех, и других изображений, сближающей их с бельским образом, является наличие длинного узкого хвоста. Правда, если у лошадей с обкладок хвост огибает не только заднюю часть, но и ногу животного, у лошадей на секире он заканчивается перед изгибом задней ноги, как бы переходя в неё; тем самым сохраняется плавность контура нижней части изображения.

По пропорциям головы и шеи бельская лошадь занимает промежуточное положение между изображениями на золотых обкладках уздечного набора и золотом кожухе секиры. Её шея – средней длины (несколько короче, чем на накладках, но длиннее, чем у лошадей с секиры), голова – более широкая и менее вытянута, чем на обкладках, однако длиннее и массивнее, чем у лошадей на секире. Тем не менее, ряд черт в большей степени сближает бельский экземпляр с «обкладочными» изображениями, нежели с лошадишками на секире. Это общий лаконизм трактовки образа, хвост, заходящий под заднюю ногу, расширение головы для передачи ноздрей и рта. Последняя черта особенно объединяет бельский образ с лошадишками на прямоугольных пластинах: ноздри и губы в обоих случаях переданы углублениями. Также необходимо обратить внимание на специфическое положение ног: они показаны не параллельно к условной поверхности, а под небольшим углом к ней, при этом колено передней ноги направлено вперед и вниз, а задняя нога имеет удлинненные пропорции и также направлена вперед и вниз.

В.А. Кисель, анализируя лошадей на золотых обкладках уздечного набора из Келермеса, обратил внимание на их сходство с рядом изображений на оленных камнях Монголии, Тувы и Алтая (Кисель 1997, 34). Там также

Рис. 2. Изображения лошадей из кургана 4/Ш Келермеса: 1 - на золотой секире; 2, 3 - на золотых обкладках уздечного набора (по: Алексеев 2012, 75; Галанина 1997, табл. 26/55, 58). Здесь и далее на рисунках – масштаб произвольный.

показана лежащая лошадь с подогнутыми ногами (передняя находится на задней) с опущенной вниз головой, стоящим ухом и направленной вперед челкой. Действительно, лошади на оленных камнях проявляют существенное сходство как с изображениями на келермесских обкладках, так и с бельской лошадишкой. В качестве примеров можно привести изображения из Гурванбулаг сумын («по дороге из Гурванбулага в Баянбулаг сумын»); Жаргалант Сумын Баянхонгорского аймага, местность Хэрэксурин дэнж; Хубсугульского аймага, Цагаан уул сумын поселка Увгуд местности Хушуут; Архангайского Аймага, Ихтамир Сумын, в Монголии (Волков 2002, табл. 34/1, табл. 38/2; табл. 94; табл. 3/1) (рис. 3/1-4). На Алтае лошадь в аналогичной позе присутствует на оленных камнях из Узунтала (Савинов 1994, табл. VIII/11) (рис. 3/5); в Туве – на камне из Саглы-Бажи VI (Савинов 1994, табл. VIII, 12) и Кош-Пея (Марсадалов 2005, рис. 3) (рис. 3/6, 7). Правда, хвосты есть

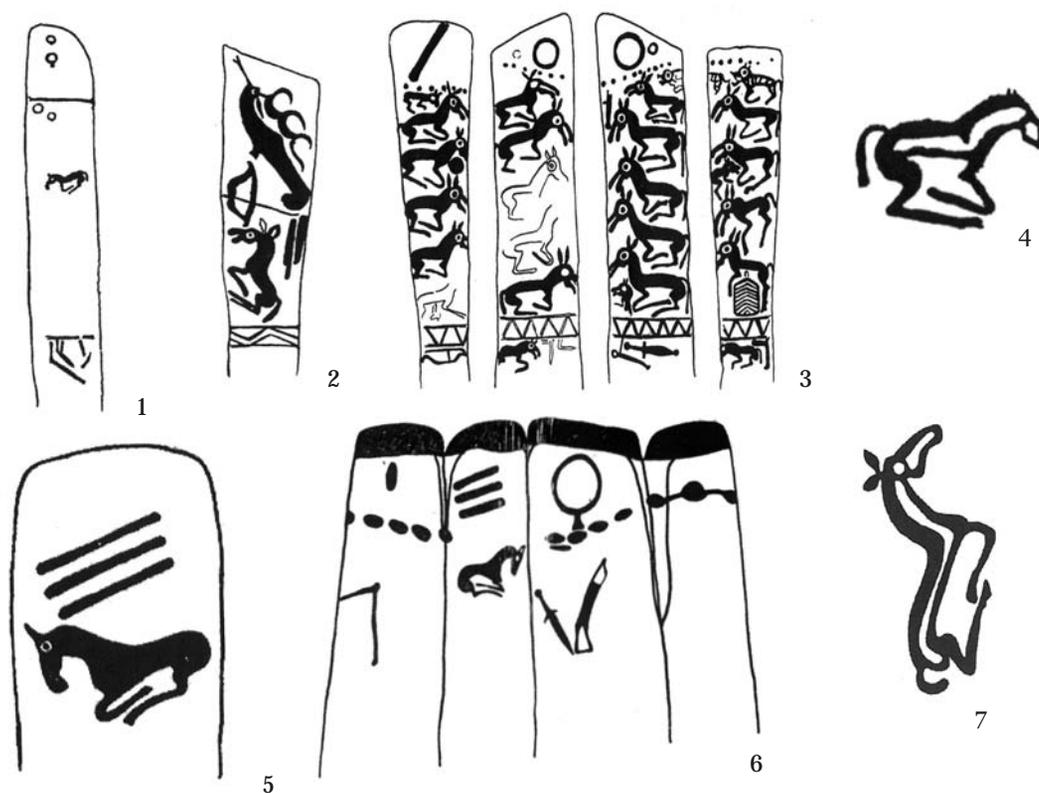

Рис. 3. Изображения лошадей на оленных камнях Монголии, Алтая и Тувы: 1 - Гурванбулаг сумын («по дороге из Гурванбулага в Баянбулаг сумын»); 2 - оленный камень № 3 из Жаргалант сумын Баянхонгорского аймага, местность Хэрэксурин дэнж; 3 - Оленный камень № 2, Хубсугульский аймаг, Цагаан уул сумын, поселок Увгуд, местность Хушут; 4 - Архангайский аймаг, Ихтамир сумын; 5 - Узунтал; 6 - Саглы-Бажи VI; 7 - Кош-Пей (по: Волков 2002, табл. 34/1, 38/2, 94, 3/1; Савинов 1994, табл. VIII/11, 12; Марсаолов 2005, рис. 3).

только у монгольских и кошпейского изображений. Остальные лошади с оленных камней Тувы и Алтая лишены этой детали. Однако во всем остальном – аналогии довольно близкие.

Такое иконографическое сходство позволило В.А. Киселю сделать вывод о том, что изображения на обкладках из Келермеса «выступили в качестве продолжения образа, запечатлённого на оленных камнях, и послужили примером для создания изображений на секире» (Кисель 1997, 34). Последние «подверглись сильной переработке с привнесением стилистических элементов урартского, иранского, а возможно, сирийского и ассирийского искусства», что проявилось в таких деталях, как рифление гривы, трактовка чёлки и хвоста (Кисель 1997, 35). Сам же образ лошади на секире является именно скифским, т.е. пришедшим вместе с носителями скифской культуры и подвергшимся стилистической интерпретации со стороны ближневосточных

или закавказских мастеров. Отталкиваясь от этого вывода, можно сделать предположение о наличии двух стилистическо-временных горизонтов в келермесских изображениях лошадей: более раннего, связанного с центрально-азиатским импульсом, и более позднего, основного, явившегося результатом работы закавказских и ближневосточных мастеров. Образы лошадей на золотых обкладках принадлежат первому, более архаичному горизонту, в то время как на секире – второму³³.

³³ Д.Г. Савинов прослеживает центрально-азиатское влияние и на другом предмете из Келермеса – серебряном ритоне из кургана № 3, раскопки Д.Г. Шульца, 1904. На нём изображен «жертвенный» олень, подвешенный на ветвистый сук, который несёт кентавр Хирон. Исследователь обращает внимание на иконографическую близость оленя на ритоне «стоящим на цыпочках» оленям из Майэмира, Аржана, Уюк-Турана и т.д. А «непосредственным прототипом для келермесского оленя могло послужить изображение, подобное уйгаракскому» (Савинов 1987, 113-114).

Существует и другое мнение, в соответствии с которым келермесские изображения лошадей с обкладок являются местными, а их иконография – подражанием позе «келермесско-кульобского» оленя (Канторович 2016, 110), т.е. классического скифского оленя в «летащем галопе». Эту точку зрения необходимо принимать во внимание, однако, учитывая очевидные параллели на оленных камнях, а также ряд аргументов, которые будут приведены ниже, центрально-азиатские истоки образа представляются нам более вероятными.

Помимо образов на оленных камнях, в качестве более отдаленных аналогов изображению на бельской матрице можно привести лошадей на золотых изделиях из кургана Аржан 2 (рис. 4/1, 2). Представляется важным наблюдение К.В. Чугунова, сделанное на основе анализа материала из этого памятника, относительно синхронности образа лошади с подогнутыми ногами и образа оленя с ногами, опущенными вниз (Chugunov, Partsinger, Nagler 2004, 7). Другими словами, образ лошади в рассматриваемой иконографии является таким же архаическим, как и аржано-майэмирский тип оленя, который никак не младше келермесско-кульобского. В свою очередь это означает, что поза келермесских лошадей с подогнутыми ногами совершенно не обязательно была заимствована из иконографии оленя в летающем галопе. Она является самостоятельной и такой же изначальной в скифском искусстве звериного стиля, как и поза оленя с подогнутыми ногами.

Видимо, близким к аржанским было изображение лошади на бронзовой бляхе из Минусинского края, датируемой VII в. до н.э., однако фрагментарность находки не позволяет сделать окончательных выводов (Королькова 2006, табл. 16/5) (рис. 4/3). Более определённо можно говорить об аналогии на золотой бляхе из погребения № 23 у поселка Комсомольский в Нижнем Поволжье (Очир-Горяева 2012, 427, илл. 553-554), на что уже обращали внимание Е.Ф. Королькова и Ю.Б. Полидович (Королькова 2006, 52, Полидович 2010, 217-218) (рис. 4/4). Последний также провел параллель между лошадью из Комсомольского и отдельными чертами изображения копытного (утолщенная морда, длинный тонкий хвост), выгравированного на диске зеркала из могилы № 41 некрополя Ольвии

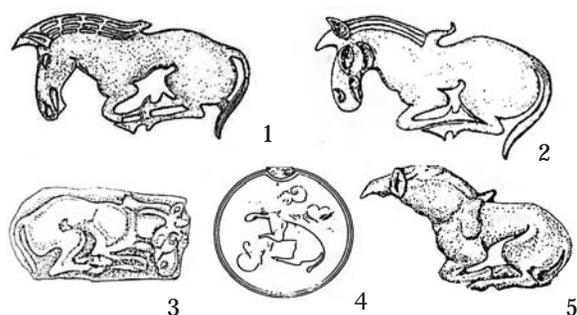

Рис. 4. Изображения лошадей раннескифского времени на предметах торевтики: 1, 2 - Аржан 2; 3 - Комсомольский; 4 - Ольвия, 5 - Минусинский край (по: Королькова 2006, табл. 16/1, 2, 4, 5; Скуднова 1988).

(Полидович 2010, 218) (рис. 4/5). От публикуемого нами изображения центрально-азиатские и поволжское отличаются наличием длинной гривы, заканчивающейся завитком или небольшим бугорком. Что касается изображения из Ольвии, то у него не подогнутые, а вытянутые вперед ноги, что, безусловно, свидетельствует о его архаичности, но представляет собой другой иконографический тип.

Аналогичная иконография изображения лошади в Туве, Южной Сибири и Северном Китае продолжает существовать и в более позднее время. Мы встречаем её на золотой нашивной бляшке из тувинских могильников V-IV вв. до н.э. Кош-Пей I (курган № 1) и Саглы-Бажи II (курган № 13) (рис. 5/1, 4); на бронзовой бляхе из урочища Лысая гора на р. Яя (Тюменская область) (рис. 5/2); на двух бронзовых бляхах из Минусинского края (рис. 5/ 5, 6); на золотой гривне V-III вв. до н.э. из Алучадэна (Северный Китай) (Королькова 2006, табл. 16/3, 7, 10, 16; табл. 15/3, 4) (рис. 5/3). Правда, при всём подобии общей иконографии поздние изображения лошадей отличаются от ранних образцов важными деталями. У них уже другая схема расположения ног – они сомкнуты копытами и параллельны условной поверхности. Если у ранних образцов хвост плавно огибает округлое бедро, то у более поздних он становится коротким и свисающим вниз, благодаря чему вся фигура приобретает более компактную, подпрямоугольную форму. Появляются дополнительные элементы, меняющие стилистику образа (крыло, декор туловища).

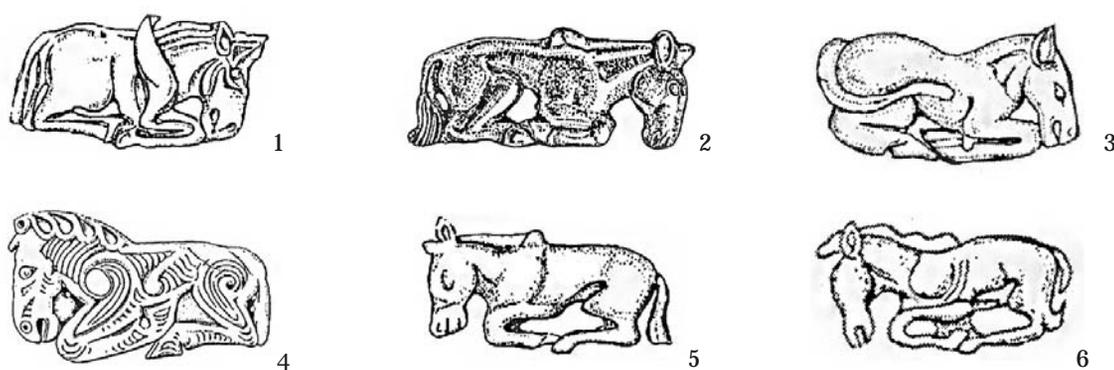

Рис. 5. Изображения лошадей V-III вв. до н.э. из Южной Сибири, Тувы и Северного Китая: 1 - Кош-Пей I, курган № 1 (Тува); 2 - урочище Лысая гора на реке Яя (Тюменская область); 3 - Алучадэн (Северный Китай); 4 - Саглы-Бажи II, курган №13 (Тува); 5, 6 - Минусинский край (по: Королькова 2006, табл. 16/3, 7, 10, 16; табл. 15/3, 4).

В пользу центрально-азиатских истоков бельского изображения, а также его архаического характера свидетельствуют и отдельные детали. Д.Г. Савинов обратил внимание на тот факт, что подогнутые, но не сомкнутые ноги (как у келермесских образов с обкладок) – «один из самых характерных стилистических приёмов в искусстве раннескифского времени» (Савинов 2012, 47). В целом на ранних изображениях копытных наблюдается вариативность расположения ног, единая схема отсутствует. Однако, действительно, на многих из них, в первую очередь, происходящих из восточных регионов скифского культурно-исторического континуума, наблюдается именно такое несомкнутое положение ног. Архаичность этой схемы подтверждается и её наличием у представительной серии изображения оленей, а также у лошадей с центрально-азиатских оленных камней и петроглифов.

На бельской матрице ноги лошади сложены более компактно, чем на келермесских обкладках, однако, судя по чёткой разделительной впадине между ними, они тоже изображены несомкнутыми. Кроме того, здесь также наблюдается ещё одна черта, характерная лишь для архаического звериного стиля. На многих раннескифских изображениях копытных подогнутые под туловище ноги показаны не только не сомкнуты, но и под небольшим углом к условной поверхности. Колено передней ноги направлено вперед и немного вниз, задней – иногда параллельно, иногда так же, вперед и вниз. Зачастую задняя нога

имеет удлинённые пропорции, доходя до колена передней. Ноги могут образовывать две параллельные прямые, находящиеся под небольшим углом к условной поверхности. По отношению к некоторым изображениям создается впечатление, что рассматриваемое положение ног – нечто промежуточное между позой «внезапной остановки» с согнутыми и направленными вперед ногами и классической позой с подогнутыми ногами.

Именно в такой манере «под углом» трактованы ноги на ряде эталонных образцов скифского звериного стиля, относящихся к эпохе архаики. В качестве наиболее репрезентативных примеров приведём положения ног лосей на костяной пластине и бляшках из Жаботинского кургана № 2, оленей на костяной пластине из погребения около Константиновска-на-Дону, оленей на золотых бляшках из Ульского кургана № 1 (рис. 6/1-4), оленей с золотой обкладки, видимо, горита из Келермеса. В этой же манере показаны ноги у целого ряда оленей на зеркалах «ольвийского типа».

Наиболее распространённым этот прием был именно в центрально-азиатском регионе, в изображениях, хронологически предшествующих или синхронных причерноморским. Он хорошо просматривается в уже упоминавшихся образах лошадей с оленных камней из Узунтала, Саглы-Бажи VI, Архангайского аймага, Гурванбулаг сумын, Жаргалант Сумын. Аналогичное положение ног фиксируется и у оленей на оленных камнях и петроглифах Центральной Азии (рис. 6/6, 7). В тюркестанской

наиболее яркими примерами являются изображения лошадей на изделиях из кургана Аржан 2 и взрослого оленя и оленёнка на фрагментированной золотой пластине из кургана № 45 Южного Тагискена (рис. 6/5).

Таким образом, прослеживается определённая эволюция ног копытных в раннескифском зверином стиле. Для наиболее ранних образцов, зафиксированных на оленных камнях, петроглифах, отдельных предметах торевтики из Монголии, Тувы, Алтая, Казахстана, характерны несомкнутые ноги, зачастую расположенные под углом к условной поверхности, при этом задняя нога имеет удлиненные пропорции. Возможно, такое положение ног явилось следствием развития позы «внезапной остановки»: изменению подверглось лишь положение передней ноги, которая подогнулась под туловище. Далее эта схема видоизменяется: ноги плотно прижимаются и «выравниваются» относительно поверхности. Это характерно как для Причерноморья, так и для центрально-азиатских изображений. На многих причерноморских изделиях, причем самых ранних (жаботинские лоси, келермесские олени), мы видим уже её пережитки. На зеркалах «ольвийского типа» она консервируется и бытует несколько дольше, вплоть до конца VI в. до н.э. На лошади с бельской матрицы эта ранняя схема представлена *очень аутентично, вполне в соответствии с центрально-азиатскими образцами.*

Любопытным представляется вопрос определения возможной породы лошади с матрицы. Н.Л. Членова обратила внимание на тот факт, что на оленных камнях Монголии, Алтая и Тувы изображались лошади двух пород: местной низкорослой, с короткими ногами и шеей, и элитной, не характерной для данного региона. Исследовательница сделала предположение, что высокопородные лошади, изображавшиеся, в отличие от местных, с длинной шеей и ногами, импортировались в эти регионы из Средней Азии (Членова 1999, 312). Лошадь с бельской матрицы явно не коротконогая. Но у нее мощная шея и голова увеличенных пропорций. И эти черты сближают её с центрально-азиатскими породами – монгольской, тувинской, лошадью Пржевальского. Очень похоже, что автор бельской матрицы был знаком с внешним видом лошадей этого типа.

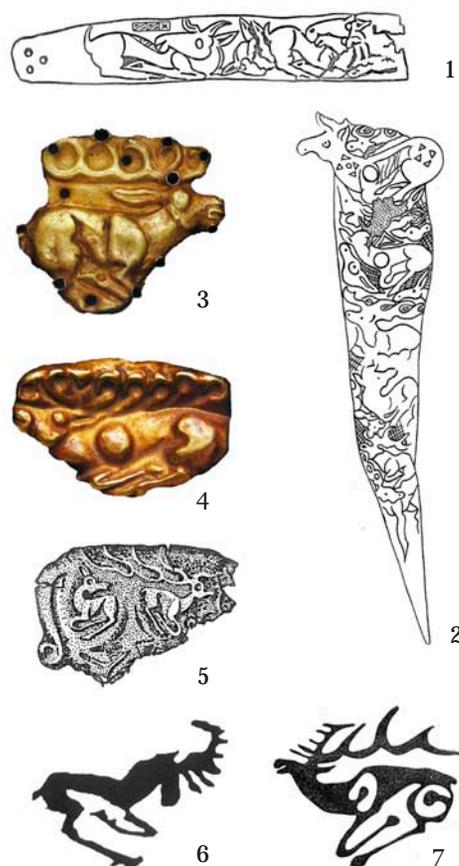

Рис. 6. Изображения копытных с ногами, лежащими под углом к условной поверхности: 1 - Жаботин; 2 - Константиновск-на-Дону; 3, 4 - Ульский курган № 1; 5 - Южный Тагискен, курган № 45; 6 - Ешкюльмеса (Южный Казахстан); 7 - Елангаш (Алтай) (по: Ильинская 1975, табл. VI/8; Кияшко, Кореняко 1976, 174, рис. 3; Ульские курганы 2015, табл. 31/1 (кат. 39), табл. 32/1 (кат. 40); Яблонский 2017, рис. 18/2; Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева 2015, 122, рис. 89/8; Кубарев 1979, табл. XII).

Подводя итог анализу сюжетных, иконографических и стилистических аналогий, можно сделать вывод о том, что бельское изображение принадлежит келермесскому этапу скифской культуры, причём наиболее раннему её горизонту, проявляющему несомненную связь с центрально-азиатскими образцами (лошади с обкладок уздечного набора, олень с серебряного ритона). Ближайшей аналогией бельской лошадке являются образы с келермесских обкладок, а также с келермесской секиры, на которой они уже подверглись серьезной творческой переработке. Келермесский курган 4/Ш датируется серединой – 2-й поло-

виной VII в. до н.э. или, более узко, по серебряному зеркалу – 650–620 гг. до н.э. (Галанина 1997, 190). Соответственно и нашу матрицу необходимо датировать этим временем. Если верно предположение В.А. Киселя, и изображения на обкладках действительно выступили «продолжением» образа, запечатленного на оленных камнях, тогда и бельскую лошадку также нужно рассматривать как такое развитие центрально-азиатской линии.

Показательно, что в Южной Сибири, на Алтае и в Туве рассматриваемый образ продолжает бытовать и в более позднее время, претерпевая определённую эволюцию, а в Причерноморье и Предкавказье появляется лишь мимолетно, в VII в. до н.э., затем полностью исчезая. В этой связи огромный интерес вызывает вопрос о том, почему полнофигурные изображения лошади вообще настолько редки в восточно-европейском зверином стиле. Тем более, принимая во внимание значение лошади как в скифском быту, так и в погребальных ритуалах, зафиксированных археологическими и письменными источниками. Да и редуцированные изображения встречаются нечасто и являются особенностями локальных культурных традиций, в первую очередь посульской. Вполне вероятно, что изображение лошади у восточноевропейских скифов могло быть табуировано (Канторович 2016, 110). Д.Г. Савинов полагает, что образ лошади вообще не относится к скифскому звериному стилю с его «дикой» фауной и мифологизированными персонажами, переданными ограниченным набором стилистических приемов (Савинов 2000, 179). На этом фоне все известные изображения лошади выглядят весьма реалистично по сравнению с другими представителями репертуара скифского звериного стиля. Возможно, именно в силу того, что это животное активно использовалось как в хозяйстве, так и в ритуальных целях. Однако отнесение рассмотренных изображений к скифскому звериному стилю, на наш взгляд, все-таки оправдывается позой животного и акцентированием определённых деталей (хвост, голова, глаз).

Интересно и то, что архаические изделия торевтики с изображением лошади выполнены в основном в золоте, и бельская матрица, соответственно, была предназначена для рабо-

ты по драгоценному металлу. Это также подчеркивает значение образа лошади, который, судя, в том числе, по археологическому контексту находок, был связан с погребальным обрядом и процессом перехода в мир мертвых в архаической скифской культуре. Роль изображений лошадей в погребальных церемониях раннескифского времени в Центральной Азии уже подчеркивалась исследователями. Это и специфическая укладка грив и хвостов жертвенным особям (Советова 2005, 43), четверка лошадей, запряженная в погребальную колесницу на оленном камне из Аржана 2, а также золотые изображения лошади на царском головном уборе из этого же комплекса (Чугунов 2004, 31, 22, 42), наскальные рисунки 4-х лошадей на камне № 114 из Мозага-Кожуап в Туве (Дэвлет 2009, 190), жертвоприношение лошади «хтоническому персонажу» на оленном камне из Ушкийн-Увэра в Монголии (Савинов 1994, 133). Видимо, привнесённая в Северное Причерноморье художественная традиция производства золотых аппликаций в виде лошади для погребального обряда прервалась здесь очень рано, в то время как в Центральной Азии она продолжала практиковаться.

Насколько предложенная датировка бельской матрицы отвечает общему археологическому контексту бельских древностей?

Хорошо известно, что Бельское городище представляло собой крупный центр металлообработки, а также производства предметов в скифском зверином стиле (Шрамко 1970; Шрамко 1987, 116–121; Шрамко 2002; Ольговский 2014, 178–197). Яркие следы производственной деятельности, в том числе бронзолитейного производства, зафиксированы как на Западном, так и на Восточном укреплениях городища (Шрамко 2002; Шрамко 2016; Шрамко 1987, 116), а также на территории ряда селищ в пределах Большого укрепления, в урочище Царина (Мурзин и др. 2001, 38, 41; Черненко и др. 2005, 43), Лисовый Кут (Мурзин и др. 1997, 11; Скорый 2008, 171, 177). Находка нижней части штампа (точнее штампов) для тиснения круглых бляшек из драгоценных металлов на Восточном укреплении, датированная IV в. до н.э., свидетельствует о весьма развитом производстве соответствующих предметов (Шрамко 1970, 218–219, рис.

1/1, 2). Местным изделием Б.А. Шрамко также считал и золотую накладку на рукоять меча с фигурой хищника из могильника Осняги (Шрамко 1976, 198).

Особое значение для доказательства ранней датировки производства бронзовых изделий имеет находка створки бронзовой формы для отливки двухлопастных и трехлопастных втульчатых с шипом наконечников стрел в центральной части Западного укрепления Бельского городища в 2000 г. Б.А. Шрамко датирует ее «временем, не позже конца VIII в. до н.э.» (Шрамко 2002, 186). В 2015 году в этой же части Бельского городища была найдена ещё одна створка с негативом двух аналогичных стрел. И.Б. Шрамко и С.А. Задников убедительно продемонстрировали, что обе створки являются двумя частями одной литейной формы. Авторы датируют время изготовления и использование формы VII веком до н.э. (Шрамко, Задников 2016, 332).

Следует также подчеркнуть, что мастера, проживавшие на Бельском городище, уже в эпоху архаики прекрасно владели навыками изготовления ряда изделий, оформленных в традициях искусства звериного стиля. Убедительным подтверждением сказанному являются в частности разнообразные предметы из кости, украшенные образами реальных и мифических животных, обнаруженные в слоях начиная с середины - 2-ой половины VII в. до н.э. Речь идет, например, об элементах конской узды – трёхдырчатых псалиях, украшенных резными головками хищных птиц или грифобаранов, обнаруженных в некоторых зольниках Западного укрепления Бельского городища (Шрамко 2004, 105) и селища в урочище Царина в пределах Большого укрепления Бельска (Махортых и др. 2006, 62, рис. 37/1, 2; Черненко и др. 2004, рис. 16/1, 2), или великолепной резной ложечке, декорированной парными фигурками козлов и волков (Шрамко 1995, 69, рис. 3, 4). К первой половине VI в. до н.э. местное косторезное ремесло достигает высокого уровня художественного мастерства, подтверждением чему служат находки налучья в виде бараноптицы с зооморфными превращениями и заготовка для производства аналогичного налучья в зольниках №№ 28 и 13 Западного укрепления (Шрамко 2015, 488, ил. 1; 491, ил. 2).

Таким образом, рассматриваемая матрица с изображением лежащей лошади с подогнутыми ногами вполне вписывается в общий контекст бельских древностей, являясь, скорее всего, наиболее ранним инструментом для изготовления бляшек из драгоценных металлов в традициях скифского звериного стиля, известных не только на этом памятнике, но и в лесостепи и степи в целом. Это вновь заставляет вернуться к весьма старому, но до сих пор не утратившему свою актуальность вопросу о месте изготовления предметов в скифском зверином стиле из драгоценных металлов в раннескифское время. В свою очередь, он связан с вопросом об этническом составе мастеров, изготавливавших эти предметы.

Безусловно, в V и особенно в IV вв. до н.э. значительная часть предметов, обнаруженных в могилах скифской знати, производилась в греческих государствах Северного Причерноморья, в частности на Боспоре, о чем свидетельствуют находки уже упомянутых матриц и штампов. Однако здесь необходимо сделать две важные оговорки.

Во-первых, среди них крайне редки предметы, выполненные в традициях классического скифского звериного стиля (поза животного, акцентирование определённых частей тела, наличие зооморфных превращений). Матрицы из Пантикапея – вполне греческие. Идентификация штампа с изображением лапы хищника с Каменского городища затруднена в силу неудовлетворительного качества публикации и утраты оригинала. Подавляющее большинство остальных изображений на рабочих сторонах матриц и штампов, приведённых в начале статьи, также не имеют отношения к скифскому звериному стилю. Исключения – как уже отмечалось – составляют штамп из Ульского кургана и матрица из Гарчиново, связь которых с греческими городами Северного или Западного Причерноморья не установлена.

Во-вторых, все они более-менее поздние, относящиеся к V, а по большей части – к IV вв. до н.э. Между тем, судя по всему, бельская матрица была изготовлена тогда, когда из греческих поселений в Северном Причерноморье точно существовал лишь Борисфен, основанный в 647-646 или 646-645 гг. до н.э. (Вахтина 1989, 74), и, возможно, Ягорлыцкое поселе-

ние, а также Истрия – в Западном Причерноморье (Алексеев 2003, 282, 283). Однако два наиболее ранних штампа с острова Березань являются чисто греческими, лишенными любых проявлений скифского искусства.

Если же говорить о литейных формах для производства бронзовых бляшек в скифском зверином стиле, найденных в Северном Причерноморье (Марицынский могильник, Кошарское поселение), то, как убедительно показал С.Я. Ольговский, их не обязательно следует связывать с античными производственными центрами (Ольговский 2014, 145-157). Вышеприведенные аргументы ставят под сомнение устоявшееся мнение о массовом производстве изделий в скифском зверином стиле в греческих городах Северного Причерноморья как в *раннескифское время, так и в начале классической эпохи*. Оно становится таковым лишь в IV в. до н.э. и касается, прежде всего, изделий, выполненных в эллино-скифском стиле.

Таким образом, матрица из Бельска не могла быть изготовлена ни на Березани, ни, тем более, в других греческих городах Северного Причерноморья, которых на тот момент, скорее всего, еще не существовало. Возникает вопрос: является ли она местным производением или, возможно, принесена носителями раннескифской традиции с других территорий, и если это так, то с каких? На данном этапе развития источниковой базы на него невозможно ответить однозначно. Как демонстрируют приведенные выше примеры, бельские мастера обладали достаточной компетенцией для производства предметов в скифском зверином стиле уже в раннескифскую эпоху, хотя мастерские архаического времени на территории городища пока не локализованы (Шрамко, Задников 2017, 325). Однако, как известно, на территории украинской степи и лесостепи отсутствуют традиции зооморфного искусства в доскифский период. В то же время в Центральной Азии они нашли отражение на самых ранних памятниках начала железного века, в частности на оленных камнях. Это относится, как мы увидели, и к рассматриваемому образу лошади с бельской матрицы. Т.е. даже если матрица была изготовлена в Бельске, сам образ должен был проникнуть сюда с других территорий, вместе с его носителями.

Однако ранняя дата бельской матрицы, а также приведенные иконографические и стилистические аналогии свидетельствуют в пользу того, что она попала в Бельск уже в виде готового изделия, в результате миграционных процессов, вместе с одной из волн скифского освоения Северного Причерноморья. Каков был путь этих волн? Конечно, заслуживает внимания проведенное Ю.Б. Полидовичем сопоставление образов лошадей из Аржана 2, Комсомольского и Ольвии. Вместе с тем, между ними и бельской лошадкой есть существенные стилистические отличия, да и вопросы хронологии мешают, во всяком случае, пока, выстроить четкую линию (хронологический разрыв между аржанскими и поволжским/ольвийским изображениями составляет 100-150 лет). Для прямого сопоставления образов с оленных камней и бельской матрицы в горизонте VII в. до н.э. пока не хватает промежуточных звеньев, которые обязательно должны были быть на огромном пространстве между Тувой и Поднепровьем.⁴⁴ Не известны нам и матрицы раннескифского времени, происходящие с территории Центральной Азии.

Учитывая близость изображения на бельской матрице келермесским обкладкам, на сегодняшний день представляется наиболее вероятным, что она проникла в Поворсклье с территории или через территорию Кавказа, вместе с носителями *келермесских традиций*. Связь элементов звериного стиля Монголии и Кавказа стала предметом специального исследования Н.Л. Членовой, обратившей внимание на общность раннескифских изображений оленных рогов, свастиковидных элементов и детально проанализированных нами лошадей (Членова 1999, 310-317). В эту кавказскую коллекцию центрально-азиатских образов, безусловно, необходимо добавить и оленя с келермесского ритона. Эти аналогии позволяют сделать вывод о том, что центрально-азиатский импульс на Кавказе был представлен не очень большой, но все-таки представительной серией изображений. И лошадь на матрице из Бельска вполне вписывается в этот круг изде-

⁴⁴ Г.Н. Курочкин считал такими памятниками Чиликту, Тагискен, Гумарово, которыми, как «кратковременным мостиком», маркируется продвижение ранних групп кочевников с Востока на Запад (Курочкин 1989, 111-113). Однако в них не встречены изображения лошадей.

лий, еще не задетых, либо очень слабо опосредованных переднеазиатским влиянием.

Находка на Бельском городище выразительной бронзовой матрицы для изготовления аппликаций в раннескифском зверином стиле из драгоценных металлов заставляет ещё раз обратить пристальное внимание на целый ряд подобных изделий, известных к настоящему времени в курганах, в том числе архаических, на территории восточноевропейской лесостепи, использовавшихся в качестве декора головных уборов, одежды, воинского снаряжения. А круг таких находок – не мал. При этом по большей части среди аппликаций доминируют, во-первых, золотые изделия, во-вторых, исполненные именно в традициях искусства звериного стиля: бляшки, выполненные в геометрическом стиле (строенные круглые бляшки, розетки), в целом немногочисленны.

Образы животных представлены как минимум пятью персонажами – сидячим грифоном (курган Перепятиха, конец VII - начало VI вв. до н.э.) (Скорый 1990, фото 7-8) и образами реальных животных, изображённых в жертвенной позе, с поджатыми ногами. Наибольшее распространение из них получили олень (находки из кургана № 100 у с. Синявка в Поросье; кургана № 407 у с. Журовка; поля вблизи Владимирской экономии; кургана у с. Дарьевка в бассейне Тясмина и в одном из курганов Роменской группы в Посулье) (Ковпаненко 1981, 52-53, рис. 41/5, 53, рис. 42/21; Ильинская 1975, табл. X/6; XXIII/2; XXXIV/19-22; Ильинская 1968, 137, рис. 38/1), горный козёл⁵ (находки из кургана № 35 у с. Бобрица в Поросье; в кургане № 1 у с. Жаботин; кургане № 499 у с. Гладковщина; в одном из курганов Роменской группы; кургане № 1 могильника Скоробор вблизи Бельского городища в бассейне р. Ворскла (Ковпаненко 1981, 14, рис. 10/2; Ильинская 1975, табл. VI/12; Галанина 1977, 43, табл. 21/3; Ильинская 1971, 75, рис. 2/18; Шрамко, Задников 2017, 17, рис. 5/18, рис. 6/13). Практически все упомянутые курганы относятся к концу VII – началу VI вв. до н.э. или 1-ой половине VI в. до н.э. (курган

№ 1 могильника Скоробор). Несколько более позднюю группу аппликаций в виде горных козлов (рубеж VI-V вв. до н.э.), однако весьма близких стилистически, составляют находки из кургана Витова Могила в бассейне р. Ворскла (Ковпаненко 1968, рис. 48).

Крайне немногочисленной, но наиболее ранней группой представлены аппликации в виде фигурок лани – в кургане № 346 у с. Орловец и кургане № 524 у с. Жаботин в бассейне Тясмина (Ильинская 1971, 75, рис. 2/22; Ильинская 1975, табл. VII/14, 16).

В своё время совершенно справедливо было отмечено, что указанные золотые аппликации стилистически связаны с костяными фигурками лосей, найденными в кургане № 2 у с. Жаботин (Іллінська, 1971, 78). Нужно отметить, что все 3 упомянутых кургана относятся к числу наиболее архаических древностей скифской культуры в восточноевропейской лесостепи и дата их располагается в рамках 1-ой половины VII в. до н.э., возможно, в начале 1-ой четверти столетия (Скорый 2003, 38-39). Подобная, ранняя датировка указанных курганных комплексов не вызывает возражений в недавних работах по хронологии раннескифской культуры (Махортых 2016, 148).

Наконец, ещё одну, более многочисленную, но и более позднюю группу аппликаций, оформленных в традициях звериного стиля, составляют бляшки в виде фигурок кошачьих хищников, тела которых украшены дополнительными зооморфными элементами. Пока достоверно такие золотые аппликации зафиксированы лишь в нескольких погребальных памятниках бассейна р. Ворскла – курганах Опишлянка и Витова Могила (рубеж VI-V вв. до н.э.) (Ковпаненко 1967, рис. 17-18) и одном из курганов конца VI или начала V вв. до н.э. в могильнике Скоробор близ Бельского городища⁶.

В своё время было высказано мнение о том, что большинство из указанных изображений на аппликациях (не учитывались лишь бляшки из Перепятихи, Витовой Могилы и Опишлянки) выполнены в духе раннескифского искусства без какого-либо стилистического воз-

⁵ В.А. Ильинская полагала, что данные бляшки изображают коня (Іллінська 1971, 74, 76). Однако на них несомненно представлен козёл. Во-первых, довольно хорошо просматривается длинный изогнутый рог, во-вторых, у животных отсутствует хвост, обычный на конских изображениях.

⁶ Материалы не опубликованы. Раскопки 2017 г. археологической экспедиции Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (начальник И.Б. Шрамко).

действия искусства народов древнего Востока и раннегреческого мира (Лллінська 1971, 77)

С постулатом об отсутствии раннегреческого воздействия на указанные раннескифские изображения, конечно, следует согласиться. Что же касается якобы отсутствия следов стилистического, иконографического влияний на персонажи упомянутых аппликаций со стороны искусства древнего Востока, в широком смысле этого понятия, то этот тезис в свете современного состояния источника и разработок в области искусства скифского звериного стиля представляется неверным. Так, несомненно, следы переднеазиатского влияния имеют бляшки в виде грифонов из Перепятыхи (9 экз.), причём можно думать, что наиболее «реалистичная» из них, выполненная из серебра, является, по-видимому, привнесённым артефактом в Северное Причерноморье (Скорый 1999, 38-42, фото 7:1). Иные же 8 экземпляров (разносторонние и весьма схематичные) изготовлены из золотого листа, несомненно, в качестве подражания «реалистической» аппликации неким местным мастером, не отличающимся высоким мастерством, на довольно примитивных, скорее всего, не металлических матрицах.

Бронзовая матрица с изображением лошади с Бельского городища, не затронутая влиянием искусства Ближнего Востока и Малой Азии, свидетельствует о том, что орудия труда, предназначенные для изготовления предметов в

зверином стиле, или мастера, хорошо знакомые с его образами, могли попадать в Северное Причерноморье в раннескифское время непосредственно из Центральной Азии.

Находка на Бельском городище, в бассейне Ворсклы, выразительной бронзовой матрицы для изготовления аппликаций из драгоценных металлов, золотые, довольно различающиеся по уровню исполнения, бляшки из кургана Перепятыха, позволяют вполне допустить уже в архаическое время производство перечисленных выше золотых изделий в местах оседлости населения, прежде всего – в лесостепи, или – говоря по-иному – на городищах скифской поры Днепровского Лео- и Правобережья.

Приложение /Appendix

Т.Ю. Гошко / T.Yu. Goshko

Рентгенофлуоресцентный анализ матрицы / X-ray fluorescence analysis of matrix

26	Fe	0,25
27	Co	0,074
28	Ni	0,042
29	Cu	81,06
33	As	0,282
47	Ag	0,089
50	Sn	17,17
51	Sb	0,116
82	Pb	0,912

Библиография

- Алексеев 2003:** А.Ю. Алексеев, Золото скифских царей в собрании Эрмитажа (Санкт-Петербург 2003).
- Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева 2015:** А.З. Бейсенов, Г.С. Джумабекова, Г.А. Базарбаева, Искусство саков Сарыарки (Алматы 2015).
- Бессонова, Скорый, Зимовец 2016:** С.С. Бессонова, Р.В. Зимовец, С.С. Скорый, Бронзовая матрица скифского времени, найденная в пойме реки Трубеж (предварительная публикация). В: Старожитності раннього залізного віку. Археологія і давня історія України, 2 (19) (Київ 2016), 189-205.
- Болтрик, Ліфантій 2016:** Ю.В. Болтрик, О.В. Ліфантій, виготовлення золотих аплікацій костюму в Скіфії (пуансон з Кам'янського городища). В сб.: (Отв. ред.: З.П. Марина) Археологія та етнологія Півдня Східної Європи (Дніпро 2016), 217-227.
- Вахтина 1989:** М.Ю. Вахтина, Греческие поселения Северного Причерноморья и кочевники в VII-VI вв. до н.э. (к проблеме первых контактов). В: Кочевники евразийский степей и античный мир (к проблеме контактов). Материалы 2-го археологического семинара (Новочеркасск 1989), 74-89.
- Волков 2002:** В.В. Волков, Оленные камни Монголии (Москва 2002).
- Галанина 1977:** Л.К. Галанина, Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга). САИ Д1-33, 1977.
- Галанина 1997:** Л.К. Галанина, Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи (Москва 1997).

- Граков 1954:** Б.Н. Граков, Каменское городище на Днепре. МИА, вып. 36 (Москва 1954).
- Гуляев 2009:** В.И. Гуляев, Скифы на Среднем Дону: новые находки и открытия. В сб.: (Отв. ред. Н.А. Макаров) Археологические открытия 1991-2004. Европейская Россия (Москва 2009), 213-224.
- Дэвлет 2009:** М.А. Дэвлет, Мозага-Комужап. Памятник наскального искусства в зоне затопления Саянской ГЭС (Москва 2009).
- Журавлев, Новикова, Шемаханская 2014:** Д.В. Журавлев, Е.Ю. Новикова, М.С. Шемаханская, Ювелирные изделия из кургана Куль-Оба в собрании Исторического музея. Историко-технологическое исследование (Москва 2014).
- Ильинская 1968:** В.А. Ильинская, Скифы Днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья) (Киев 1968).
- Іллінська 1971:** В.А. Іллінська, Золоті прикраси скіфського архаїчного убору. Археологія 4, 1971, 73-79.
- Ильинская 1975:** В.А. Ильинская, Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII-VI вв. до н.э.) (Киев 1975).
- Канторович 2016:** А.Р. Канторович, Образ лошади в восточно-европейском скифском зверином стиле. В сб.: (Отв. ред.: А.С. Балахванцев, С.В. Куланда) Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: материалы международной научной конференции, посвященной памяти Марии Николаевны Погребовой (Москва 2016), 89-115.
- Канторович, Эрлих 2006:** А.Р. Канторович, В.Р. Эрлих, Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи (Москва 2006).
- Кисель 1997:** В.А. Кисель, Священная секира скифов (Москва 1997).
- Кияшко, Коренько 1976:** В.Я. Кияшко, В.А. Коренько, Погребение раннего железного века у г. Константиновска-на-Дону. СА 1, 1976, 170-177.
- Ковпаненко 1967:** Г.Т. Ковпаненко, Племена скіфського часу на Ворсклі (Київ 1967).
- Ковпаненко 1981:** Г.Т. Ковпаненко, Раннескифские курганы в бассейне р. Рось (Киев 1981).
- Королькова 2006:** Е.Ф. Королькова, Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII-IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности (Санкт-Петербург 2006).
- Костромичев, Трейстер 2009:** Д.А. Костромичев, М.Ю. Трейстер, Бронзовая матрица с рельефным изображением Тюхе из раскопок цитадели Херсонеса. Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира: материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург 2009), 415-422.
- Кубарев 1979:** В.Д. Кубарев, Древние изваяния Алтая (Оленные камни) (Новосибирск 1979).
- Курочкин 1989:** Г.Н. Курочкин, Ранние этапы формирования скифского искусства (новый фактический материал и необходимость построения эффективной теоретической модели). Кочевники евразийских степей и античный мир (проблема контактов). Материалы 2-го археологического семинара (Новочеркасск, 1989), 102-120.
- Марсадолов 2005:** Л.С. Марсадолов, «Оленные» камни из поселка Аржан в центре Азии. В сб.: (Гл. ред. В.И. Гуляев) Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского (Москва 2005), 301-316.
- Махортых 2016:** С.В. Махортых, Современное состояние изучения хронологии раннескифской культуры. В: Старожитності раннього залізного віку. Археологія і давня історія України, 2 (19) (Київ 2016), 140-151.
- Махортых и др. 2005:** С.В. Махортых, Р.А. Ролле-Герц, С.А. Скорый, В.Ю. Герц, В.П. Белозор, Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2005 г. (Киев 2006).
- Минасян 2010:** Р.С. Минасян, Матрица - «формер». АСТЭ 38, 2010, 180-195.
- Мурзин и др. 1997:** В.Ю. Мурзин, Р. Ролле, В. Херц, С.В. Махортых, Е.В. Черненко, Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 1996 г. (Киев 1997).
- Мурзин и др. 2001:** В.Ю. Мурзин, Р. Ролле, В. Херц, С.А. Скорый, С.В. Махортых, В.П. Белозор, Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2000 году (Киев 2001).
- ОАК 1908:** Отчёт Императорской археологической комиссии за 1905 г. (Санкт-Петербург 1908).
- Ольговский 2014:** С.Я. Ольговский, Цветная металлообработка Северного Причерноморья VII-V вв. до н.э. По материалам Нижнего Побужья и Среднего Поднепровья (Москва 2014).
- Онайко 1976:** Н.А. Онайко, Звериный стиль и античный мир Северного Причерноморья в VII-IV вв. до н. э. В сб.: (Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова) Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии (Москва 1976), 66-73.
- Полидович 2010:** Ю.Б. Полидович, Находки в тувинском кургане Аржан 2 и «звериный стиль» Северного Причерноморья: поиск соответствий. Древние культуры Евразии. В: Материалы международной

- конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама (Санкт-Петербург 2010), 217-224.
- Пуздровский, Труфанов 2010:** А.Е. Пуздровский, А.А. Труфанов, Бронзовая матрица с изображением Зевса из Юго-Западного Крыма. *Stratum Plus* 4, 2010, 197-204.
- Ростовцев 1925:** М.И. Ростовцев, Скифия и Боспор (Ленинград 1925).
- Савинов 1987:** Д.Г. Савинов, Изображение «висящего» оленя на ритоне из Келермеса. В сб.: (Отв. ред. А.И. Мартынов, В.И. Молодин) Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология (Новосибирск 1987), 112-117.
- Савинов 1994:** Д.Г. Савинов, Оленные камни в культуре кочевников Евразии (Санкт-Петербург 1994).
- Савинов 2000:** Д.Г. Савинов. Реалистические изображения лошадей скифского времени и сейминская изобразительная традиция. В: Исторический ежегодник. Специальный выпуск (Омск 2000), 179-187.
- Савинов 2012:** Д.Г. Савинов, Изобразительные памятники раннескифского времени: искусство композиции. В: Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. Труды САИПИ, IX (Москва-Кемерово 2012), 35-55.
- Скорый 1999:** С.А. Скорый, Курган Переп'ятиха (До етнокультурної історії Дніпровського Лісостепового Правобережжя) (Київ 1999).
- Скорый 2008:** С.А. Скорый, Селище в урочище Лисовый Кут на Большом укреплении Бельского городища (материалы раскопок 1999-2001 и 2004 гг.). *Revista arheologică* IV/1, 2008, 146-179.
- Скорый 2015:** С.А. Скорый, Бронзовая античная матрица из Предгорного Крыма. *Stratum Plus* 3, 2013, 193-201.
- Скорый, Зимовец 2014:** С.А. Скорый, Р.В. Зимовец, Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции (Киев 2014).
- Скуднова 1988:** В.М. Скуднова, Архаический некрополь Ольвии. Публикация одной коллекции (Ленинград 1988).
- Советова 2005:** О.С. Советова, Петроглифы тагарской эпохи на Енисее. Сюжеты и образы (Новосибирск 2005).
- Трейстер 1989:** М.Ю. Трейстер, Матрицы из Пантикапея (к вопросу о боспорской торевтике IV в. до н.э.). В: Кочевники евразийский степей и античный мир (к проблеме контактов). Материалы 2-го археологического семинара (Новочеркасск 1989), 89-101.
- Трейстер 2017:** М.Ю. Трейстер, Бронзовая матрица, найденная в пойме р. Трубез (об использовании бронзовых матриц с рельефными изображениями в Причерноморье в VI-IV вв. до н.э.). В: Старожитності раннього залізного віку. Археологія і давня історія України, 2 (23) (Київ 2017), 200-207.
- Ханенко, Ханенко 1900:** Б.И. Ханенко, В.Н. Ханенко, Древности Приднепровья, вып. III (Киев 1900).
- Ульские курганы 2015:** Ульские курганы. Культново-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе. *Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum*, 2 (Москва-Берлин-Бордо 2015).
- Черненко и др. 2004:** Е.В. Черненко, Р.А. Ролле-Герц, С.А. Скорый, С.В. Махортых, В.Ю. Герц, В.П. Белозер, Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2004 г. (Киев 2005).
- Членова 1999:** Н.Л. Членова, Новые данные о связях Монголии и Северного Кавказа в скифскую эпоху. В сб.: (Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова, В.А. Башилов) Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи (Москва 1999), 310-317.
- Шрамко 1962:** Б.А. Шрамко, Древности Северского Донца (Харьков 1962).
- Шрамко 1987:** Б.А. Шрамко, Бельское городище скифской эпохи (город Гелон) (Киев 1987).
- Шрамко 1970:** Б.А. Шрамко, Об изготовлении золотых украшений ремесленниками Скифии. *СА* 2, 1970, 217-221.
- Шрамко 2002:** Б.А. Шрамко, Новая литейная формочка с Бельского городища: к истории вооружения у племен Скифии. *РА*, 1, 2002, 163-166.
- Шрамко 2004:** И.Б. Шрамко, О начальном периоде существования Бельского городища. В: Від Кіммерії до Сарматії. 60 років відділу скіфо-сарматської археології ІА НАНУ: матеріали Міжнар. наук. конф. (Київ 2004), 104-105.
- Шрамко 2015:** И.Б. Шрамко, Роговые наконечники луков с Западного Бельского городища. В: Труды Государственного Эрмитажа, 77. Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы (Санкт-Петербург 2015), 487-511.
- Шрамко, Задников 2017:** И.Б. Шрамко, С.А. Задников, Новая информация об известной литейной форме с территории Бельского городища. В сб.: (Отв. ред. И.И. Корост) Археологічні дослідження Більського городища: збірник наукових праць (Київ-Котельва 2017), 325-334.

Яблонский 2017: Л.Т. Яблонский, На востоке скифской ойкумены (Москва 2017).

Chugunov, Partinger, Nagler 2004: K.V. Chugunov, H. Partinger, A. Nagler, Chronology and cultural affinity of the kurgan Arzhan-2 complex according to archeological data // Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia // NATO Science Series IV. Earth and Environmental Sciences, Vol. 42 (Dordrecht, Boston, London 2004), 1-7.

L'Épopée 2015: L'Épopée des rois thraces. Des guerres médiques aux invasions celtes 479-278 av. J.-C. Découvertes archéologiques en Bulgarie (Paris 2015).

Solovyov, Treister 2004: S. Solovyov, M. Treister, Bronze Punches from Berezan. Ancient West and East 3.2, 2004, 365-375.

Treister 2001: M. Treister, Hammering Techniques in Greek and Roman Jewellery and Toreutics (Leiden, Koln, Boston 2001).

Matrița din bronz de la cetățuia Bilsk: cu privire la motivele din Asia Centrală în stilul animalier scitic timpuriu din regiunea nord-pontică

Cuvinte-cheie: sciți, stilul animalier scitic, matriță, ștampilă, cetățuia Bilsk, perioada scitică timpurie.

Rezumat: Articolul introduce în circulația științifică o matriță unică din bronz, destinată pentru fabricarea pieselor în stilul animalier scitic, descoperită la cetățuia din Bilsk. Suprafața de lucru a matriței prezintă un cal cu picioare îndoite și capul în jos. Piese similare provin din regiunile Niprului, Ciscaucaziei și Balcani. Însă, o analogie directă pentru figura calului de pe matrița din Bilsk există doar în setul de piese de harnașament din aur, descoperite în tumulul nr. 4 de la Kelermes. Plecând de la această similitudine, se propune încadrarea cronologică a matriței în a doua jumătate a sec. al VII-lea a. Chr. Subiectul, analogiile iconografice și stilistice permit să concluzionăm că imaginile calului de pe piesele de la Bilsk și Kelermes sunt similare cu cele din Asia Centrală, fiind cunoscute, în special, pe „stelele cimeriene cu cerbi”, atestate în Mongolia, Altai și Tuva. Astfel, se presupune că matrița ar fi putut ajunge la cetățuia Bilsk odată cu unul dintre valurile migrațiilor scitice timpurii din Asia Centrală, sau a fost făcută în silvostepă, dar de un producător familiarizat cu tradiția central-asiatică. Totodată, în articol sunt expuse unele considerații referitoare la semantica imaginii calului în ritualul de înmormântare scitică.

Lista ilustrațiilor:

Fig. 1. Matrița de la cetățuia din Bilsk. 1 - Fotografie; 2 - desen; 3-4 - reconstrucția grafică.

Fig. 2. Imagini de cai din tumulul Kelermes nr. 4: 1 - pe toporul din aur; 2, 3 - pe piese de harnașament (după Алексеев 2012, 75; Галанина 1997, табл. 26/55, 58). Scări diferite.

Fig. 3. Imagini de cai de pe „stelele cimeriene cu cerbi” din Mongolia, Altai și Tuva: 1 - regiunea Gurvanbulag („pe drum din Gurvanbulag la Baynbulag”); 2 - stela nr. 3 din regiunea Zhargalant, Bayanhongor aimag, Hereskuriyn denzh; 3 - stela nr. 2, Hubsugul aimag, plasa Tsagaan uul sumyn, satul Uvgud, Khushuut; 4 - Arkhangay aimag, Ikhtamir sumyn; 5 - Uzuntal, 6 - Saglı-Baji VI; 7 - Koș-Pei (după Волков 2002, табл. 34/1, 38/2, 94, 3/1; Савинов 1994, табл. VIII/11-12; Марсадилов 2005, рис. 3).

Fig. 4. Imagini de cai de pe turetică scitică timpurie: 1, 2 - Arjan 2; 3 - Komsomolskij; 4 - Olbia; 5 - regiunea Minusinsk (după Королькова 2006, табл. 16/1, 2, 4, 5; Скуднева 1988).

Fig. 5. Imagini de cai din sec. V-III a. Chr. din Siberia de Sud, Tuva și China de Nord: 1 - Koș-Pei, tumul nr. 1 (Tuva); 2 - Lisaia Gora pe r. Iaia (Tiumen); 3 - Aluchaden (China de Nord); 4 - Saglı-Baji II, tumul nr. 13 (Tuva); 5, 6 - regiunea Minusinsk (după Королькова 2006, табл. 16/7, 10, 3, 16; табл. 15/4, 3).

Fig. 6. Imagini de unghiatele cu picioarele situate sub unghi față de suprafața condiționată: 1 - Jabotin; 2 - Konstantinovsk pe Don; 3, 4 - tumul nr. 1 din Ulskij; 5 - Taghiskan de Sud, tumul nr. 45; 6 - Eșkiolmesa (Kazakhstanul de Sud); 7 - Elangash (Altai) (după Ильинская 1975, табл. VI/8; Кияшко, Коренько 1976, 174, рис. 3; Ульские курганы 2015, табл. 31/1 (кат. 39), табл. 32/1 (кат. 40); Яблонский 2017, рис. 18/2; Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева 2015, 122, рис. 89/8; Кубарев 1979, табл. XII).

Bronze matrix from Bilsk forthill: about Central Asian motifs in early Scythian animal style of Northern Black Sea Cost

Keywords: Scythians, Scythian animal style, matrix, punch, Bilsk forthill, early Scythian epoch.

The article introduces into scientific circulation a unique matrix for the production of golden or silver plaques in the Scythian animal style, which was discovered at the Bilsk forthill. On the working surface of the matrix there is depicted a horse with bent legs and a bowed head. Analogical working tools from Dnieper, North Caucasus and Balkan regions are analyzed. There is only one analogy to the image on the matrix among products originated from Eastern Europe: golden plates of the horse's bridle from Kelermes kurgan № 4. On this basis the matrix is dated

the 7th century B.C. Further plot, iconographic and stylistic analogies allow us to conclude that the horse images from the Bilsk matrix and Kelermes plates is matched with the Central Asian images of horses, in particular those placed on deer stones of Mongolia, Tuva and Altay. It's argued that the matrix could have reached Bilsk settlement together with one of the waves of Scythian migrants from Central Asia, or could be produced by a local master familiar with the Central Asia tradition of depicting a horse. Considerations about semantics of the image of a horse in the Scythian funeral ceremony are represented.

List of illustrations:

Fig. 1. Matrix from Bilsk hillfort. 1 - photo; 2 - drawing; 3-4 - graphic reconstruction of applications.

Fig. 2. Images of horses from Kelermes kurgan 4/Sh: 1 - on a golden ax; 2, 3 - on golden plates of bridle set (by Алексеев 2012, 75; Галанина 1997, табл. 26/55, 58). Here and below – free scale.

Fig. 3. Images of horses on deer stones of Mongolia, Altay and Tuva: 1 - Gurvanbulag sumyn («on the road from Gurvanbulag in Baynbulag sumyn»); 2 - deer stone № 3 from Zhargalant sumyn, Bayanhongor aimag, Hereskuriyn denzh locality; 3 - deer stone № 2, Hubsugul aimag, Tsagaan uul sumyn, Uvgud village, Khushuut locality; 4 - Arkhangay aimag, Ikhtamir sumyn; 5 - Uzuntal, 6 - Sagly-Bazhy VI; 7 - Kosh-Pey (by Волков 2002, табл. 34/1, 38/2, 94, 3/1; Савинов 1994, табл. VIII/11-12; Марсадалов 2005, рис. 3).

Fig. 4. Images of horses in Early Scythians time on toreutics articles: 1, 2 - Arzhan 2; 3 - Komsomolsky; 4 - Olbio; 5 - Minusinsky Region (by Королькова 2006, табл. 16/1, 2, 4, 5; Скуднова 1988).

Fig. 5. Images of horses of the 5th-3rd centuries B.C. from South Siberia, Tuva and North China: 1 - Kosh-Pey, kurgan № 1 (Tuva); 2 - Lysaya Gora on Yaya river (Tumen'); 3 - Aluchaden (North China); 4 - Sagly-Bazhy II, kurgan № 13 (Tuva); 5, 6 - Minusinski Region (according to: Королькова 2006, табл. 16/7, 10, 3, 16; табл. 15/4, 3).

Fig. 6. Images of ungulates with legs lying at an angle to the conventional surface: 1 - Zhabotyn; 2 - Konstantinovsk-na-Donu; 3, 4 - Ul'skiy kurgan № 1; 5 - South Tagisken, kurgan № 45; 6 - Eshkiolmesa (South Kazakhstan); 7 - Elangash (Altay) (by Ильинская 1975, табл. VI/8; Кияшко, Кореняко 1976, 174, рис. 3; Ульские курганы 2015, табл. 31/1 (кат. 39), табл. 32/1 (кат. 40); Яблонский 2017, рис. 18/2; Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева 2015, 122, рис. 89/8; Кубарев 1979, табл. XII).

07.02.2018

Д-р Роман Зимовец, Институт философии им. Г.С. Сковороды НАН Украины, ул. Трехсвятительская 4, 02000 Киев, Украина, e-mail: romanzimovets@gmail.com.

Д-р хаб. Сергей Скорый, Институт археологии НАН Украины, пр. Героев Сталинграда 12, 04210 Киев, Украина, e-mail: idanfirs@ukr.net

Виталий Окатенко, ДП ОАСУ «Слобожанская археологическая служба» Института археологии НАН Украины, ул. Культуры 25-А, 61058 Харьков, Украина, e-mail: okatenkovitalij@gmail.com